

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОЙ МЕМУАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Субъективность как основополагающая черта мемуарного текста проявляется, в частности, через многообразие форм оценок, медитаторами которых выступают различные ипостаси реального автора мемуарного текста.

Особенно актуальна оценочная модальность для исповедальной мемуарной прозы. Мемуары – это материализованная рефлексия, вербализованное стремление осмыслить свои собственные действия и оценить их. Психологи утверждают, что «отношение человека к самому себе никогда не бывает нейтрально-безразличным, незаинтересованным, причем эмоциональная тональность, направленность и интенсивность этих чувств пронизывают все сферы человеческой деятельности» (7, с.99). Анализ текстов произведений мемуарного жанра демонстрирует высокую степень оценочности этих текстов, что вполне отвечает их антропоцентрической природе.

Исследователи оценочной модальности обычно говорят о двух видах оценки – абсолютной и сравнительной. Абсолютная оценка содержит имплицитное сравнение, основанное на общности социальных стереотипов, в то время как сравнительная оценка основана на сопоставлении объектов друг с другом (1, с. 198). Образованию стереотипа предшествует сравнение, поэтому среди способов выражения эмоций и оценки следует назвать метафору.

Авторы коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке...» (1988) выделяют идентифицирующую, или индикативную, метафору, когнитивную, образную, а также оценочную и оценочно-экспрессивную, или эмотивно-окрашенную; подробнее см. также (4). Дан-

ная классификация метафоры соотносится со следующими свойствами оценки: эмотивностью, экспрессивностью, аффективностью, интенсификацией (4).

И д е н т и ф и ц и р у ю щ а я, или и н д и к а т и в н а я метафора «порождает тот тип значения, который принято называть дескриптивным (конкретным, портретирующим и т.п.)» (9, с.192). В плане порождения данный тип метафоры не актуален для исповедально-мемуарной литературы. Это связано, на наш взгляд, с угасанием в идентифицирующих метафорах образно-ассоциативного комплекса (или основания внутренней формы).

Метафора способна создавать новые концепции в области обозначения непредметной действительности. К о г н и т и в н а я метафора приводит к формированию абстрактного значения. Изначально полный, модус фиктивности создает предпосылки для установления того подобия между обозначаемыми и «буквальным» значением используемого имени, с которого и начинается процесс метафоризации. «Когнитивная метафора уподобляет гетерогенное и отождествляет подобное, чтобы синтезировать новое понятие» (9, с.194). См. например, *«По ступенькам памяти»* (6). Между *ступеньками памяти* и *ступеньками лестницы* нет реального подобия, но оно устанавливается в результате допущения на основе общего признака «уровни восхождения» - как если бы у памяти были лестничные каркасы. См.: *Пишу не для сверстников, тем более что их не так уж и много. Пишу для молодых, для тех, в чьей памяти куда меньше ступенек и по которым они не ходили. <...> Каждую ступеньку память сохранила такой, какой она была, и я стараюсь честно вспомнить ее. <...> Только в диалектике могут быть интересны мои очень личные ступеньки* (6, с.9). Ср. также: *потерять память, вернулась память*. Идентифицирующая и когнитивная метафоры – это два базовых типа, а третьим можно считать о б р а з н у ю м е т а ф о р у. На ее почве в совокупности с функцией иден-

тификации или когнитивного отображения действительности, приводящего к формированию нового понятия, образуются о ц е н о ч н а я и о ц е н о ч н о - э к с п р е с с и в н а я метафоры.

Всякая метафора проходит через стадию образности, но образно-ассоциативный комплекс, сыграв роль фильтра, может уйти в внутреннюю форму языкового средства, а может обрести статус художественного изображения мира – его инобытия. Ср.: *Воспоминания – родина души* (6); *память – костер* («А жизнь в последнюю главу, словно в угасающий костер, все подбрасывает и подбрасывает хворосту») (2, с. 30)).

Образная метафора далеко не всегда маркирована стилистически, но она никогда не бывает нейтральной по эмоциональному воздействию, а потому создает тот или иной экспрессивный эффект, но не атомарно, а как функция от целостного контекста. Образная метафора текстуально «беспредельна». Так, к примеру, в концептуальную структуру текста В. Астафьева «Вечерние раздумья», заданную концептом-названием, входят метафоры: *жизнь-книга* («книгу пора заканчивать, надо жить дальше или доживать и перелистывать другие страницы, в этой же книге настало время ставить точку»); *память – костер* (см. выше), *судьба* («не живи, как душа просит, а живи, как судьба велит»); метонимический перенос *жизнь-время-хворост-костер*.

Для модальности исповедальной мемуарной прозы более «действительна», «производительна», эффективна и эффектна о ц е н о ч н о - э к с п р е с с и в н а я метафора. Оценочно-экспрессивная, или эмотивно окрашенная, метафора обладает наиболее сложным построением. Все, что характерно для архитектоники оценочной метафоры, включается и в оценочно-экспрессивную, но при этом модус фиктивности сохраняется в ней во всей своей полноте – как если бы. Например: *Это могло быть очарованием властью, или надеждой от нее откупиться, бросив ей – на, дескать,*

жри! – **кусок**, впоследствии оказавшийся **кровоточающим куском души** (8, с.476). К указанным модусам присоединяется еще и модус эмотивности.

В оценочно-экспрессивной метафоре подобие также преобладает над тождеством, как и в оценочной, что онтологически закономерно: основной объект метафоры – то, что есть в мире (некоторое свойство или положение дел), а вспомогательный комплекс – это образно-ассоциативные черты некоторого квазистереотипа, т.е. представления, имеющего в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторого свойства, некоторой ситуации. См. пример формирования в тексте метафоры *театр*:

*<...> Если угодно, переход от законченно-интеллигентского ленинского костюма, общего для приват-доцентов и земских врачей, к обдуманной эклектике сталинской формы, ставшей униформой для вождей меньшего ранга (а дальше – «национальная по форме, социалистическая по содержанию» расшитая сорочка Хрущева под городским пиджаком, **костюм не народный, а маскарадный**), - это логичная трансформация и наглядное воплощение **имперского стиля. То есть стиля театрального, актерского**. Многонациональная империя, подавлявшая всех, начиная со «старшего брата», но и учитывавшая существование всех разноликих подданных, - это **театр абсурда, прикидывающийся театром классицизма** (8, с.266-267).*

Образ в оценочно-экспрессивной метафоре не так ярок, как в собственно образной: будучи стереотипизированным, он только окрашивает значение ассоциативно. Иногда в контексте оценочность, образность, экспрессивность одной метафоры связана с разными средствами выражения. Например: *Нет ничего недостойнее в природе, чем ее царь* (5, с.430). Сформировавшиеся на базе метафор значения могут быть номинативно автономными (*театр, играть*), связанными (*потерять память, вернулась память*) и идиоматичными (*забубенная головушка* (3)), *бросить кусок* (8).

Метафора как модель – продуктивный способ пополнения языкового инвентаря.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. – М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Астафьев В. Вечерние раздумья: Заключительная глава книги «Последний поклон». Окончание // Новый мир, 1992. - №3. - С.6-31.
3. Астафьев В. Забубенная головушка: Из книги «Последний поклон» // Новый мир, 1992. - №2. – С.44-63.
4. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука. 1985.
5. Нагибин Ю.М. Дневник. – М.: Олимп, Астрель, АСТ, 2001.
6. Образцов С.В. По ступенькам памяти. – М.: Время, 2001.
7. Психология: Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского – 2-изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990.
8. Рассадин С.Б. Самоубийцы: Повесть о том, как мы жили и что читали. – М.: Текст, 2002.
9. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988.